

который приписывается Ксенофону. Х. Туманс оспаривает устоявшееся мнение, считая автора трактата не критиком, а защитником демократического строя¹¹. Думается, что для такого радикального пересмотра традиционной точки зрения маловато оснований.

Завершая исторический обзор, автор отмечает постепенность процесса становления демократии в Афинах. Начинается он в гомеровскую эпоху, а завершается при Перикле. Х. Туманс особенно настойчиво подчеркивает двусторонность данного процесса: «...афинская демократия стала результатом двух революций: культурной и политической» (с. 488). Процесс становления демократии автор связывает с противоборством двух социальных моделей – элитарной и эгалитарной. Несмотря на длительное господство элитарной модели равенства, эгалитарные тенденции не умирали, находя свое выражение в мифологических представлениях о золотом «веке Кроноса», требованиях уравнивания собственности, частной благотворительности. Рождение демократии автор связывает с победой эгалитарной модели – равенства «по количеству» (с. 496).

Подводя итог сказанному выше, заметим, что работа Х. Туманса, безусловно, займет достойное место в отечественной историографии. Ее достоинствами являются новизна взгляда и полемичность предлагаемых решений. Автор пытается по-новому взглянуть на многие события афинской истории, выделяя в них культурно-исторический аспект. Быть может, это не всегда удастся автору, не все его оценки и трактовки могут быть приняты. И все же монография Х. Туманса появилась весьма кстати. Обсуждение поставленных в ней вопросов, несомненно, оживит научную мысль.

В.Р. Гуцин

© 2004 г.

С.Ю. ВНУКОВ. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). Москва, 2003. 234 с.

Вышедшая недавно в свет работа С.Ю. Внукова посвящена хронологии и типологии амфорной тары, распространенной в причерноморском регионе на рубеже эр и в первые века нашей эры. Она состоит из предисловия, вступления и четырех глав основного текста, заключения и приложения (каталог амфор причерноморского производства I в. до н.э. – первой половины III в. н.э. и их основных параметров). Использована значительная литература, посвященная в основном амфорам и керамическому производству, о чем свидетельствует обширная библиография в конце работы. Автор формулирует цели и задачи исследования, оговаривая его хронологические рамки – I в. до н.э. – II в. н.э.

Период времени, который охватывает монография, выбран автором не случайно. Это очень интересный этап в истории причерноморских государств, когда там происходили важные процессы, накладывавшие отпечаток на экономическую, политическую и культурную обстановку в регионе. После распада державы Митридата усилилось проникновение Рима в Причерноморье, в степях появились новые варварские кочевые племена. В Южном и Западном Понте образовались новые римские провинции, что дало толчок развитию экономики городов в составе этих провинций. Крупнейшее государственное образование в регионе – Боспорское царство – стало активно развиваться, превратившись в мощное образование эллинистического типа на окраине античного мира. Эти процессы в экономике протекали при непосредственном участии Рима, поэтому изучение керамического производства в восточных римских провинциях и торговли между городами в новых римских провинциях и северопричерноморскими государствами очень важно для определения уровня воздействия Римской империи на социально-экономические процессы развития этих земель в первые века нашей эры. Изучение амфорной тары и путей ее поступления на север Причерноморья становится очень актуальным как один из показателей экономического влияния римлян и романизованных провинций греческого Востока в понтийском регионе. Ведь светлоглиняные амфоры – важнейший датирующий материал при раскопках поселений и могильников рубежа и первых веков нашей эры, а наряду с монетами – инди-

¹¹ Ранее не менее парадоксальную точку зрения высказывала М. Ланг, считавшая автором «Афинской политики» демагога Клеона (*Lang M. Cleon as the Anti-Pericles // CP. 1972. V. 67. № 3*). Правда, она считала высказанные Клеоном идеи олигархическими по своей сути.

катор развития экономики и торгового обмена, свидетельствующий о том, что полоса кризиса, который поразил эллинистические города в I в. до н.э., быстро прошла, и они получили стимул к дальнейшему развитию.

С.Ю. Внуков подробно исследует морфологию причерноморской тары, выделяет классы и типы амфор римского времени. Им установлены шесть общих признаков амфор, которые распределяются по 22 значениям. Это дало возможность разделить понтийские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. на восемь классов, определить основные места их производства и время изготовления каждого типа. Безусловной заслугой С.Ю. Внукова следует признать доскональное изучение всех деталей сосудов согласно выделенным им признакам, тщательнейший анализ результатов петрографических исследований. Положительной стороной проделанной автором работы надо признать и то, что он опирается на соответствующие разработки, сделанные предшественниками. Рассматривая хронологию и обосновывая точку зрения о том, что светлоглиняные амфоры изготавливались в Южном Причерноморье, С.Ю. Внуков, привлекая на помощь данные исследований состава глины и технологии производства керамики, уточняет центры, которые производили основные типы светлоглиняной и красноглиняной тары. К их числу относятся Гераклея Понтийская и Синопа – в Южном Причерноморье, Колхида – в Восточном и Боспор – в Северном, что вполне убедительно, и мы полностью с этим согласны. Заслуживает внимания наблюдение автора, что два первых класса выделенной им тары из «светлой» глины повторяли наиболее популярные в Причерноморье в эллинистическую эпоху амфоры, производившиеся на островах Кос и Родос. Поэтому он условно называет их псевдокосскими (название, уже принятое большинством археологов ранее) и псевдородосскими.

В работе углубленно разбираются вопросы хронологии амфор, для чего используются письменные и археологические источники, главным образом закрытые комплексы, обнаруженные при раскопках в Северном Причерноморье и отчасти в Западном. Намечена последовательность смен типов и вариантов амфор гераклеянского и синопского производства, для чего привлекаются закрытые комплексы, например на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму и в Танаисе. Такой подход вполне оправдан, но он позволяет твердо датировать лишь сам закрытый археологический комплекс, тогда как найденные в нем фрагменты амфор соответствующих групп могут быть продатированы с их помощью лишь косвенно. Ведь ничто не позволяет отрицать, что попавшие в слой амфоры или их фрагменты ввиду утилитарного характера тары могли бытовать значительно более длительное время, чем находимые вместе с ними монеты или обломки декретов. Это особенно касается сельских поселений, куда импорт мог поступать не всегда регулярно, поэтому попавшие к их обитателям амфоры нередко служили еще одному поколению жителей, продолжительность жизни которых в древности составляла в среднем 25–30 лет.

С.Ю. Внуков делает вполне справедливый вывод о том, что после включения южнопонтийского региона в состав Римской империи в Гераклею и Синопе был тотчас налажен выпуск широко распространенных типов амфор, в частности так называемых псевдокосских, а также плоскодонных с профилированными ручками. Кстати, изготовление последних объяснялось не столько условиями перевозки их на кораблях, сколько возможностью длительного хранения в отличие от остродонных, разбивавшихся намного чаще. Ему удалось выявить варианты позднегераклеяских амфор, наиболее распространенных в Северном Причерноморье.

Выводы С.Ю. Внукова очень важны для определения хронологии подъема и упадка в причерноморской торговле. Автор удачно подметил одну важную тенденцию: ареал распространения синопской тары и доля ее в различных комплексах существенно меньше гераклеянской, а основная масса находок коричневоглиняных амфор происходит из Восточного Причерноморья и с побережья Кавказа. Мы всячески приветствуем заключение о том, что в позднеэллинистическую и раннеимператорскую эпохи в государствах Причерноморья, но особенно на Боспоре, наблюдался экономический подъем и это обстоятельство обусловило активное производство и торговлю продукцией в амфорах из Южного Причерноморья, включая и сами амфоры.

К положительной стороне работы можно отнести аргументированное предположение автора о том, что появление светлоглиняных амфор типа С1 относится к постмитридатовскому периоду и напрямую связано с возрождением Гераклеи Понтийской и ее экономики после разгрома, учиненного римлянами в 72–70 гг. до н.э. Можно отметить и тщательное картографирование амфорных находок в Причерноморье, которое позволило уточнить уровень торгово-экономических связей Гераклеи и Синопы с Северным Причерноморьем, определить те области, которые поддерживали коммерческие контакты с Южным Понтом. Заслуживает внимания справедливое положение, что уменьшение доли фрагментов позднегераклеянской тары в Танаисе в середине II в. н.э. могло быть вызвано началом производства амфор на Боспоре и их поступлением в Нижнее Подонье и Восточное Приазовье. Из общеконцептуальных положений

работы заслуживает внимания идея о том, что производство распространенных в Причерноморье в первые века нашей эры амфор было вызвано экономическим подъемом римских провинций и необходимостью поставок товаров для римских войск, задействованных в восточных кампаниях.

Если эта идея правильна, то она подтверждает традиционную хозяйственную ориентацию северопричерноморских центров на полисы северного побережья Малой Азии – их постоянных партнеров с эпохи поздней классики и раннего эллинизма. Об этом же говорят и находки амфорной тары, совпадающие с ареалом распространения гераклейских и синопских амфор в доримское время. Следовало бы только подчеркнуть, что ранее установленные связи, временно замороженные в эпоху кризиса и войн, могли стимулировать быстрое возрождение керамического производства в Гераклее и Синопе с целью возобновления посреднической и экспортной торговли с хлеботорными областями Крыма, Северного Кавказа, Нижнего Поднепровья и Побужья. Быстрым подъемом экономики Херсонеса, Ольвии, Боспора и Колхиды в купе с Южным Причерноморьем содействовало и то, что при Митридате все эти области составляли родовые и наследственные домены, ставшие основой так называемых «царских» земель в Понтийском царстве, управлявшихся сыновьями-наследниками царя. А это способствовало сохранению традиционных экономических связей и их быстрому реанимированию в постмитридатовский период.

Вместе с тем хотелось бы остановиться на отдельных положениях, которые не совсем ясны самому автору и вызывают у читателя вопросы или же вообще являются ошибочными. Так и осталось непонятым, почему некоторые классы амфор, представленные несколькими типами, производились в разных центрах, а амфоры одного типа изготавливались только в одном? Ведь в доримскую эпоху различные типы амфор выпускались в одном конкретном пункте, например в тех же Гераклее или Синопе. Осталось также сомнение, а можно ли амфоры с воронкообразным венчиком (тип С V по Вукову) причислять к продукции понтийских мастерских? Как можно понять, у самого автора остались на этот счет определенные сомнения. Не отрицая главное положение работы, что псевдокосские светлоглиняные амфоры типа С I принадлежали Гераклее Понтийской, хотелось бы пожелать автору для большей убедительности использовать анализ глины гераклейских и амастрийских амфор классической и эллинистической эпох, сравнив его с петрографическими тестами амфор I в. до н.э. – II в. н.э., которые он полагает гераклейскими. Ведь амфоры Амастрии изготавливали из глины, которую добывали в окрестностях Гераклеи и в районах, подконтрольных Синопе.

При сопоставлении бытования амфор различных типов, обнаруженных на поселениях в слоях, которые относятся ко времени их гибели или к пожарам, следовало бы попытаться определить точную дату событий, вызвавших разрушения. Нельзя просто синхронизировать гибель поселения и соответствующий тип амфорной тары, по хронологической схеме совпадающий с этим событием. Поэтому методологически неправомерно увязывать хронологию событий в Северном Причерноморье в I – начале III в. н.э. с производством того или иного типа амфор в Южном Понте, особенно в I в. н.э. Если следовать этому принципу датировки амфор, то получится, что военные столкновения и конфликты в Северном Причерноморье стимулировали процессы изготовления этих амфор в Южном Причерноморье и Колхиде. Такой подход к датированию последовательности смены типов амфор и мест их производства помогает скорее установить относительную, а не абсолютную хронологию. Появление различных типов амфор в Гераклее и Синопе лишь косвенно связано с событиями, которые переживали северопричерноморские страны и народы, так как амфорную тару производили в иные сроки и в иных условиях. На ее изготовление прямое влияние оказывала конкретная обстановка не в Северном Причерноморье, а в римских провинциях Вифиния-Понт и Полемоновский Понт. Поэтому С.Ю. Вукову следовало бы тщательнее проанализировать политико-экономическую ситуацию, сложившуюся в Южном Понте. Вот почему связывать хронологию событий в Северном и Западном Причерноморье с производством соответствующих типов амфор в Гераклее и Синопе не очень правильно, связь прослеживается только между самим событием и временем бытования тары у населения, проживавшего на поселении, но не между событием и датой изготовления этой тары. Потребности сбыта диктовали не изобретение той или иной формы амфор, а ввоз товара, в данный момент необходимого местному населению. А какие при этом будут использоваться амфоры для его доставки – это уже дело второе, и оно касалось в первую очередь не производителя тары, а торговца-поставщика. Для этого могли вполне сгодиться амфоры, выпущенные намного раньше тех событий в Северном Причерноморье, которые могли повлиять на повышенный или пониженный спрос на товар в амфорах (а не сами амфоры). Хотелось бы, чтобы автор учитывал это обстоятельство в своей дальнейшей работе и внес соответствующие коррективы в схему последовательности смены типов амфорной тары.

Привлекая на помощь материал из закрытых комплексов Танаиса, С.Ю. Внукову следовало бы учесть, что появление амфор на этом городище и в его округе в I–III вв. н.э. – это не результат их изготовления в мастерской в конкретное время их поступления в Нижнее Подонье, а следствие налаживания торговли в длительный промежуток времени, последствие покупки эмпором определенной партии вина или масла в конкретного типа таре, удобной для ее хранения и транспортировки. Это подтверждают дипинти на амфорах более позднего времени, в изобилии находимые в Танаисе в складских помещениях и в подвалах домов, которые маркируют номер партии товара, его наименования, количество амфор в этой партии или объем амфор, а также имя владельца или торговца. Поэтому амфоры могли быть выпущены раньше и просто находились в обиходе в данное время.

Находка амфоры или фрагментов амфор того или иного класса в слое или комплексе – это не дата появления сосуда указанного типа, а время его бытования, т.е. комплексы дают только относительную дату типа амфор, а не их абсолютную датировку. Ведь амфоры могли появиться раньше, поэтому комплексы и хронологически сопоставимые события нельзя брать в качестве твердого доказательства последовательности смены типов тары.

Можно согласиться с убедительным выводом автора, что появление светлоглиняных амфор С 1 относится к постмитридатовскому времени. Автор работы убежден, что амфорная тара общеримских разновидностей могла производиться только в римских колониях, образованных Цезарем в Синопе и Гераклее, а не в самих городах. Это сомнительно, поскольку названные города входили в состав империи и там вполне могли изготавливать тару по общепринятым римским образцам. К тому же, как показали исследования гончарных печей в окрестностях Синопы и Гераклеи, керамическое производство было налажено там в основном за городом, поэтому гончары могли работать прежде всего на нужды города, как было принято во всех эллинических центрах. Что касается находок синопской черепицы с упоминанием названия римской колонии италиков в Синопе – Колония Юлия Феликс, то это не может служить надежным аргументом в пользу производства светлоглиняной амфорной тары именно в означенной колонии. Черепицу по традиции выпускали мастерские римских легионов, поэтому эту же практику римские колонисты могли перенести и в основанную ими колонию в Южном Понте. Амфоры же традиционно изготавливали в мастерских полисных центров, входивших в состав провинции Вифиния-Понт.

С.Ю. Внуков указывает, что в Западном Причерноморье, в том числе в Нижнем Подунавье, амфорного материала интересующего его времени фиксируется крайне мало. Поэтому на карте поселений в Причерноморье, материал из которых использован в книге, он упоминает только Месембрию (Несебр), Одесс (Варну), Эгиссос (см. с. 12–13). Однако он не учитывает, что амфоры I–II вв. н.э. обнаружены в районе Тульчи, Истрии, в некрополе Новиодуна (Reuse. IX. P. 496. Pl. XII, 3–5 – узкогорлые амфоры и амфора «древнего типа» конца I–II вв. н.э., которые найдены вместе с монетами императора Адриана), в окрестностях Новиодуна (плоскодонная узкогорлая амфора с немного вдавленным венчиком, II в. н.э.).

Проникновение светлоглиняных гераклейских и синопских амфор к местному варварскому населению Северного Причерноморья вне основной зоны их распространения – это не только результат втягивания племен в торговый обмен, но и следствие даров римлян и боспорцев знати местных племен. Это могло быть и частью той помощи, которую Римская империя оказывала Боспору и другим вассальным государствам и племенам. Продукция в амфорах могла сначала поступать в эллинические города – Ольвию, Херсонес и на Боспор, а затем оттуда попадать уже к соседним варварам при содействии местных торговцев. Но надо учитывать, что в амфорах в этом случае не всегда могло находиться вино, доставленное из Гераклеи или Синопы. Это вино могло потребляться в городах, где в освободившиеся амфоры заливали местное вино, и оно в этих амфорах поступало на периферию. Известно, что до конца II в. н.э. амфоры в Северном Причерноморье не производились.

В заключение надо подчеркнуть, что книга о понтийских амфорах крайне необходима для всех, кто занимается античным Причерноморьем. Точная хронология типов позднегераклейских и синопских амфор, разработанная С.Ю. Внуковым, позволит надежно датировать археологические памятники и слои, которые относятся к рубежу и первым векам нашей эры, а также более углубленно исследовать торговые связи и роль Римской империи в экономике причерноморских государств и народов.